

А.М. Гагинский

«Гильотина Юма» как псевдопроблема*

Гагинский Алексей Михайлович – кандидат философских наук. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: algaginsky@gmail.com

Разделение сущего и должного, инициированное уже Д. Юмом, но получившее популярность только в первой половине XX в., занимает очень важное место в этическом дискурсе, ибо оно ставит под сомнение возможность обоснования моральных норм. Вместе с тем юмовское разделение опирается на ряд онтологических допущений, которые необходимо прояснить, чтобы понять границы данного принципа. В частности, если «гильотина Юма» и ее последующая адаптация в метаэтике предполагают онтологию атомарных фактов, то при пересмотре онтологической модели разделение сущего и должного окажется проблематичным. В статье показывается, что распространенная версия «гильотины Юма» является псевдопроблемой потому, что она работает только в рамках редукционистской методологии, когда моральное суждение деконтекстуализируется и распадается на атомарные составляющие, из которых ничего логически не выводится. Более корректный подход к данной проблеме приводит к тому, что сущее и должное следует различать, но нельзя разделять. В таком виде «гильотина Юма» перестает быть разрушительной по отношению к этическим системам.

Ключевые слова: добро, зло, Д. Юм, А. Айер, метаэтика, онтология, гильотина Юма

Вступление

Во второй половине XVIII в. Кант приложил немало усилий для того, чтобы представить добро как нечто необходимое, как категорический императив. Столетие спустя Ницше решил вообще отказаться от добра, понятого таким образом: «Ничто не поражает так глубоко, ничто так не разрушает, как

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00441 «Феномен зла: от метафизики к теориям морали». Funding: The report study was funded by RSF, project No. 19-18-00441 «The Phenomenon of Evil: From Metaphysics to Moral Theories».

“безличный долг”, как жертва молоху абстракции»¹. Не только этика долга, но и этика в целом с тех пор стала довольно проблематичной в теоретическом отношении. К этому следует прибавить теорию разделения сущего и должного, прочно вошедшую в философию XX в., благодаря которой моральные постулаты стали уделом эмоциональной сферы, а не логического вывода. Суть этого разделения состоит в том, что из суждений о сущем логически невозможно вывести суждение о должном, а потому утверждается, что моральные постулаты не могут быть обоснованы². Более того, «логически правильное выведение моральных императивов из неморальных посылок» подорвало бы основы логики, свидетельствуя «о несостоятельности, необязательности канонических правил логического вывода»³. Что интересно, подорвало бы не теорию разделения сущего и должного, а именно канонические правила логического вывода... Тем не менее в данной статье я попытаюсь обосновать обратное – возможность обоснования и логически правильного выведения моральных императивов, которая обусловлена необходимостью рассматривать посылки контекстуально, а не в качестве атомарных фактов. Я полагаю, что это позволит переосмыслить «гильотину Юма», которая в настоящее время представляет собой псевдопроблему, а также поможет прояснить вопрос о выведении моральных норм и концептуализации добра и зла.

Псевдопроблема

Почему это псевдопроблема? Потому что в современных версиях «гильотина»⁴ редуцируется к проблематике атомарных пропозиций и представляет собой искусственный конструкт, который не имеет отношения к этическим теориям. Иначе говоря, известное замечание Юма о том, что нужно четко различать предложения существования и предложения долженствования, само по себе является важным вкладом в интеллектуальную культуру, однако пафос низвержения «каждой этической теории»⁵ и попытки сторонников метаэтики

¹ Ницше Ф. Антихрист // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 6. М., 2009. С. 117.

² Как писал А. Айер: «...этические суждения не имеют обоснованности» (Айер А. Дж. Язык, истина и логика. М., 2010. С. 158). По сути говоря, это следует из «гильотины Юма»: «Согласно Юму, из суждения о сущем (в нашем случае это – суждение об объективности моральных ценностей) не вытекает логически никакого суждения о должном; если же кто-то заявляет, что такое логическое следование имеет место, то он обязан показать, как и в силу чего оно осуществляется» (Максимов Л.В. Квазиобъективность моральных ценностей // Этическая мысль. Вып. 6. М., 2005. С. 38). В данной статье я стараюсь показать, как и в силу чего осуществляется логическое следование, поэтому мне приходится начинать с самых оснований и пояснять структуру энтимемы и этического дискурса в целом.

³ Максимов Л.В. Сущее и должное: проблемные контексты // Этич. мысль / Ethical Thought. 2019. Т. 19. № 2. С. 47.

⁴ См. напр.: Максимов Л.В. «Гильотина Юма»: pro et contra // Этич. мысль / Ethical Thought. Вып. 12. М., 2012. С. 124–142; Он же. Проблема обоснования морали: Логико-когнитивные аспекты. М., 1991.

⁵ Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 510.

лишить моральные нормы каких-либо логических оснований являются, с моей точки зрения, очевидным преувеличением, которое приводит к борьбе с ветряными мельницами несуществующих ошибок.

В самом деле, «сущее» и «должное» – весьма широкие понятия, а потому чрезвычайно сложно сформулировать проблему «гильотины», не уточняя значения используемых слов⁶. Поэтому для постановки проблемы необходимо сузить значение исходных понятий, по крайней мере одного из них, или вообще заменить их более формальными:

В этом теоретическом контексте «должное» понимается... только как *суждение*, обладающее особой (а именно – *деонтической*) модальностью; соответственно, «сущее» означает... только характеристику *суждений* асерторических (*описательных*) или имеющих модальность, не связанную с моральным долженствованием. Такова уточненная в метаэтике трактовка понятий, входящих в формулу «гильотины Юма»⁷.

Разумеется, значения понятий «сущее» и «должное» можно задать таким образом, что возникнет некая проблема при переходе от одного к другому, но поскольку то или иное моральное суждение постулируется в рамках общей этической теории, которая, в свою очередь, строится на основе цельного образа сущего⁸, или мировоззрения, постольку *нельзя* сказать, что этические теории работают исключительно с формальными предложениями, или узко определенными пропозициями, т.е. суждениями. В этических теориях вообще нет таких формальных суждений, которые не отсылали бы к общим мировоззренческим установкам, поэтому переход от общего к частному, равно как и от частного к общему, является *логически* оправданным. Так, зная общее правило, т.е. моральный императив, можно найти ему какое-то конкретное применение, и наоборот, от знаний о какой-либо ситуации вполне можно перейти к знаниям о моральных императивах, высказывая на этом основании моральное суждение о ситуации.

По всей видимости, «все обычные этические системы» устроены именно таким образом: суждения о должном опосредуются суждениями о сущем, иначе первые ни к чему бы не относились, т.е. не относились бы к какой-либо конкретной ситуации, а потому ничего бы не значили; с помощью обобщения делаются высказывания общего характера, или императивы, в которых уже не прописана какая-либо конкретика, однако применимы они именно в конкретных ситуациях. Например, «воровать нельзя» – общее правило, которое реализуется в конкретных случаях: человек пришел в магазин и ничего не украл (руководствуясь этой максимой). Причем человек, входя в магазин, не обязан кого-либо предупреждать о том, что он воровать не будет, и это отнюдь не случайно.

⁶ См.: Максимов Л.В. «Гильотина Юма». С. 138–139.

⁷ Максимов Л.В. Сущее и должное. С. 45.

⁸ Старая добрая схоластика на этот счет отмечает: сущее – это первый объект разума (например, см.: *Honnfelder L. Duns Scotus. München, 2005. S. 29–31*).

«Гильотина», контекстомия и экономия языка

Можно рассмотреть случай, который Л.В. Максимов приводит для иллюстрации «гильотины»: «Например, умозаключение “Бог велит делать то-то, следовательно, мы должны это делать” выглядит (если признать правоту Юма) логически ошибочным, так как “долженствование” не вытекает непосредственно из “веления”». В самом деле, данное высказывание *выглядит* логически ошибочным по той простой причине, что оно рассматривается вне контекста, поэтому далее следует уточнение:

...но если учесть, что данное умозаключение фактически содержит в себе еще одну (не высказанную явно, но подразумеваемую религиозным моралистом) посылку – «Мы *должны* исполнять все *веления* Бога», – то в *формальном* отношении (т.е. если не спорить об истинности и доказательности самих посылок и их мировоззренческих оснований) его следует признать безупречным⁹.

Иначе говоря, «ошибочность» данного примера состоит лишь в том, что он рассматривается вне контекста, тогда как в действительности формально безупречен, что легко обнаруживается, если раскрыть подразумеваемую религиозным моралистом посылку. И хотя напрасно ждать от моралиста, как и вообще от любого человека, постоянного повторения того, что ему представляется самоочевидным (подразумеваемая посылка), именно на этой *ошибке цитирования* (деконтекстуализации) строится логика «гильотины».

Здесь следует задаться вопросом: на каком основании нераскрытая посылка отождествляется с логической ошибкой? Люди живут в обществе, и их речевое поведение в значительной степени опирается на нераскрытые посылки. Однако в этом, строго говоря, еще нет логических ошибок – язык стремится к экономии, поэтому многие нюансы в жизни социума принимаются по умолчанию. В противном случае человеческое общение стало бы крайне затруднительным, потому что оно всякий раз проваливалось бы в прояснение очевидного и предполагаемого.

Таким образом, видимость ошибки возникает по той причине, что контекст и скрытые допущения высказывания в обычных этических системах, как и вообще в человеческом общении, могут оставаться нераскрытыми и считаться тривиальными. Однако логической ошибки в этом нет, она может появиться *только в том случае*, если человек будет настаивать, что такие допущения вовсе отсутствуют. Но это значило бы, например, что человек порицает вора (моральное суждение, конкретная ситуация), но не признает воровство преступным (моральный императив, предпосылка суждения). Однако именно это следует из «гильотины Юма», по крайней мере в той ее версии, которая используется некоторыми метаэтиками. Поэтому достаточно признать, что какое-либо моральное суждение основано не только на фактических посылках (пойман вор), но и на общих моральных правилах (воровство преступно), и тогда никакой логической ошибки не возникнет. Просто основные моральные допущения, из которых впоследствии делаются какие-либо частные выводы,

⁹ Максимов Л.В. «Гильотина Юма». С. 128.

настолько тривиальны, что кажется избыточным их артикулировать. Именно поэтому многие этические суждения строятся по принципу энтимемы.

Сформулирую это более провокативно: любая «ошибка выведения» должного из сущего может быть преобразована в логически правильное утверждение, если раскрыть ее предпосылку. А из «гильотины» следует, что такая предпосылка обязательно имеется, иначе можно было бы доказать обратное, что должное можно логически корректно вывести из сущего. С этой точки зрения «гильотину Юма» можно рассматривать как интеллектуальную ловушку: встретив утверждение, согласно которому должное нельзя вывести из сущего, многие философы бросились доказывать обратное¹⁰, не заметив того, что опровергать его вовсе не требуется, достаточно прояснить его истинное значение (поэтому я критикую не саму «гильотину Юма», а ее современные интерпретации и основанные на них выводы). Да, долженствование нельзя вывести из сущего, но суть в том, что оно из него и не выводится: всякий раз, когда постулируется такая ошибка, имеет место *деконтекстуализация*, или контекстуальность, когда фраза рассматривается вне контекста (атомизируется), т.е. энтимема принимается за ошибочность. Следовательно, в современном виде «гильотина Юма» является псевдопроблемой, основанной на ошибке цитирования, когда моральное суждение «вдруг» изымается из этической теории.

«Гильотина» и логический атомизм

Весьма примечательно, что большое значение «гильотине» стали придавать лишь в XX в., что связано с распространением логического атомизма. Точнее говоря, повышенное внимание к этой тематике появляется в мета-этических исследованиях 20–30-х гг. прошлого столетия, когда Б. Рассел и Л. Витгенштейн разрабатывали теорию атомарных фактов, согласно которой «предложение (истинное или ложное), утверждающее атомарный факт, называется атомарным предложением. Все атомарные предложения логически независимы друг от друга. Ни одно атомарное предложение не следует из другого и не противоречит другому»¹¹. Поскольку в рамках этого подхода анализируется язык вообще, аналитики стали рассматривать и предложения этики с точки зрения логического атомизма. И вот тогда стало ясно, что из атомарного факта невозможно вывести моральное правило, более того, вообще «ничто не может быть выведено из атомарного предложения»¹². Поэтому предложения

¹⁰ См. напр.: The Is-Ought Question: A Collection of Papers on the Central Problem in Moral Philosophy. London, 1969. Как видно, у книги весьма броский подзаголовок: «Сборник статей по центральной проблеме в моральной философии». Таким образом, указанная ловушка признается едва ли не главной проблемой этики. И конечно же, сборник включает главы «Попытка свести “должно” к “есть”» и «Попытки вывести “должно” из “есть”». Иначе говоря, сама постановка проблемы заводит в тупик, что создает благоприятные условия для расширения разного рода псевдопроблем.

¹¹ Рассел Б. Введение // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 2008. С. 17.

¹² Там же. С. 23.

этики были вытеснены в область трансцендентального и мистического¹³, к которому позитивисты относились в лучшем случае снисходительно. Высказывания о фактах могут рассматриваться только сами по себе, как атомарные предложения, которые логически независимы от других предложений, – именно в рамках такого подхода наблюдение Юма оказалось востребованным, ведь оно также указывает на различие суждений о сущем и должном, что интерпретируется как *запрет* на переход от суждений одного типа к суждениям другого¹⁴. Иначе говоря, в основании метаэтического направления находится ошибочная позитивистская методология, связанная с принципом верификации, согласно которому осмысленные высказывания сводятся к протокольным предложениям, а мир описывается как совокупность атомарных пропозиций, или фактуальных суждений, из которых нельзя вывести моральные высказывания, вследствие чего «этические суждения не имеют обоснованности»¹⁵. Именно в такой атмосфере рождается метаэтика. Поэтому «гильотина» не просто логический принцип, ибо как таковой он не может представлять опасности для «всех обычных этических систем», но такой принцип, который обретает остроту и значимость лишь в определенном контексте, против чего и направлена аргументация моей статьи. Так, если Максимов с помощью «гильотины» критикует формулу «мир устроен так-то, поэтому должно то-то», то делает он это потому, что понимает мир как «абсолютно нейтральный в ценностном отношении»¹⁶, ибо ««сущее» означает... только характеристику суждений ассерторических (описательных)»¹⁷. Однако мир является нейтральным лишь для трансцендентальных (несуществующих) субъектов, лишь в рамках определенной онтологической модели, равно как и понятие «сущее» не сводится к ассерторическим суждениям. И если сказать, что *сущее есть благое*, то мы перебросим мостик от фактического к оценочному, и в этом не будет ошибки.

Из этого следует, что негативная версия «гильотины Юма» может работать только в весьма специфической онтологии. Но проблема в том, что эта онтология оказалась противоречивой и была отвергнута¹⁸, тогда как «гильотина» по инерции остается востребованной, ее уточняют, совершенствуют, не замечая того, что в ее основании лежит ошибочная, или бессмысленная, концепция. В самом деле, ошибка выведения должного из сущего имеет место *только* тогда, когда сущее рассматривается как совокупность атомарных пропозиций, из которых нельзя ничего вывести. Согласно уточненной в метаэтике трактовке понятий, входящих в формулу «гильотины Юма», сущее означает *только* характеристику описательных суждений¹⁹, т.е. фактуальных пропозиций. Почему делается это уточнение? Потому что «гильотина» может работать

¹³ См.: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. С. 212.

¹⁴ См.: Максимов Л.В. Очерк современной метаэтики // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 39.

¹⁵ Айер А.Дж. Язык, истина и логика. С. 158.

¹⁶ Максимов Л.В. Проблема обоснования морали. С. 109, 106.

¹⁷ Максимов Л.В. Сущее и должное. С. 45.

¹⁸ См.: Лакс М. Метафизика в аналитической традиции // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2. С. 9.

¹⁹ Максимов Л.В. Сущее и должное. С. 45.

только в онтологии атомарных фактов, когда описательные суждения рассматриваются изолированно, а все остальные пропозиции объявляются если не бессмысленными, то не попадающими в сферу логического анализа, ибо они выражают лишь чувства... Но так ли это в действительности?

Фактический смысл и содержание суждения

Я остановлюсь лишь на этической проблематике, ибо именно ей посвящена данная статья. Рассмотрим утверждение А. Айера:

Наличие этического символа в пропозиции ничего не добавляет к ее фактуальному содержанию. Так, если я говорю кому-то: «Ты поступил неправильно, украв эти деньги», – я не утверждаю ничего более, нежели я просто сказал бы: «Ты украл эти деньги». Добавляя, что это действие неправильно, я не делаю никакого дополнительного высказывания о нем. Я просто выказываю относительно него свое моральное осуждение, как если бы я сказал: «Ты украл эти деньги» каким-то особенно ужасным тоном или написал бы это предложение, снабдив его какими-то специальными восклицательными знаками. Интонация или восклицательные знаки ничего не добавляют к буквальному значению предложения²⁰.

Айер полагает, что настоящими высказываниями могут быть только такие, которые добавляют фактический смысл к содержанию, а поскольку моральная оценка не добавляет новых фактов, постольку моральные суждения выносятся по ту сторону истины и лжи, т.е. «не имеют обоснованности». Однако такой вывод основан лишь на том, что высказывание рассматривается вне контекста, оно редуцируется к «фактуальному содержанию», которое оказывается первичным и к которому *добавляется* – как нечто относительное и бессодержательное – моральная эмоция. В результате этика сводится лишь к выражению чувств, ведь «в каждом случае, о котором обычно говорится, что здесь выражается этическое суждение, функция соответствующего этического слова чисто “эмотивна”. Оно используется для того, чтобы выразить чувство относительно определенных объектов, но не для того, чтобы что-то утверждать о них»²¹.

Но откуда берется это моральное чувство, или эмотивная функция? Согласно «гильотине», она невыводима из фактуального содержания. Значит, за высказыванием «ты украл эти деньги» может следовать как осуждение, так и одобрение – в зависимости от ситуации, поэтому из фактуального никак не следует оценочное содержание суждения. Стало быть, высказывание «ты поступил неправильно, украв эти деньги» *утверждает нечто большее*, чем констатация факта «ты украл эти деньги». Эмотивная функция остается неопределенной без контекста, который отбрасывается в рамках методологии логического атомизма, а потому функция этического слова в предложении

²⁰ Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 154 (цитирую с небольшим уточнением перевода).

²¹ Там же. С. 155.

не может быть чисто эмотивной, потому что из фактуального содержания не следует, что у говорящего вообще должно быть какое-то чувство.

Почему человек говорит, что кто-то поступил плохо, украв деньги? Потому что он считает воровство предосудительным, т.е. он руководствуется не спонтанным чувством, которое «вдруг» возникает, но логикой: если воровство есть порок, то ты поступил плохо, украв деньги. Как отмечалось выше, здесь работает следующая схема: моральное правило → конкретная ситуация → моральное суждение.

Теперь рассмотрим эту фразу в другом возможном контексте:

- N считает, что воровать плохо (знание об императивах);
- N сообщают, что его сын украл деньги (знание о ситуации);
- N желает сыну блага (тривиальное допущение);
- N говорит сыну: «Ты поступил неправильно, украв эти деньги» (вывод, моральное суждение).

Поместив высказывание с «этическим символом» (выражение Айера) в контекст, можно увидеть, что эмотивный элемент присутствует в этой ситуации, потому что отец сочувствует сыну, всем сердцем желает ему добра. Однако вывод основан не только на эмоциях отца, но и *на его знании*: если бы отец не считал, что воровство является чем-то плохим, то он не порицал бы такое поведение. Иначе говоря, желания блага и знания о ситуации недостаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что воровать плохо. Чтобы эмотивная функция не оставалась неопределенной, необходимо добавить что-то еще, а именно – знание о моральных императивах, с которыми согласуется или которыми вызывается искомая эмоция. Ведь отец может считать воровство чем-то нормальным, и тогда бы он сказал: «...ты поступил правильно, украв эти деньги». Значит, если отец не знает того, хорошим или плохим является то, чем занимается его сын, то он не сможет сделать вывод, т.е. искомое чувство, или эмотивная функция, будет отсутствовать. Следовательно, моральное суждение основывается *не только на чувстве, но и на знании*. Согласно схеме: моральное правило → конкретная ситуация → моральное суждение. А значит, *моральные суждения могут быть обоснованы*. Частные моральные суждения обосновываются принятием общих моральных правил, или императивов.

Таким образом, нельзя сказать, что «наличие этического символа в пропозиции ничего не добавляет к ее фактуальному содержанию», потому что определенный этический символ может указывать на то, какой системы взглядов придерживается человек, высказывающий данную пропозицию. Получается, этический символ добавляет оценочную характеристику, которая может быть правильной или неправильной по отношению к общим установкам. Говоря, что это действие неправильно, я помещаю эту ситуацию в этический контекст, благодаря которому получаю *логические основания* порицать или одобрять данное действие. В действительности споры по моральным вопросам очень часто направлены именно на то, чтобы вскрыть противоречия между моральными суждениями и общими этическими установками, которые обычно не обсуждаются, потому что принимаются по умолчанию.

Поэтому Айер ошибается в том, что «предложения, которые просто выражают моральные суждения, не говорят ничего. Они являются чистыми выражениями чувства и как таковые не подпадают под категорию истины

и лжи»²². Как раз напротив, они не только говорят многое о том, кто высказывает эти суждения и какой этической теории придерживается данный человек, но и подпадают под категорию истины и лжи, если они, к примеру, противоречат моральным императивам, разделяемым этим человеком или членами сообщества, к которому он себя относит. Например, если в некоем обществе осуждается воровство, то попытки его оправдать могут расцениваться как ложные, но при этом они не могут расцениваться таким образом, если мы рассматриваем их в качестве атомарных пропозиций, которые лишены контекста и морально абсолютно нейтральны. И если вывод не может следовать из атомарной пропозиции, но при этом не является и спонтанным, – ибо в таком случае мы могли бы по-разному оценивать одно и то же действие и в наших моральных суждениях не было бы никакой логики (сначала я осуждаю нечто, а потом это одобряю), – то следует заключить, что моральное суждение логически выводится и обосновывается. Таким образом, деконтекстуализация как метод логического атомизма приводит к ошибочным заключениям о том, что моральные суждения выражают лишь некие чувства. Несомненно, чувства присутствуют в моральных суждениях, однако в них присутствуют и знания, как было только что показано.

Отсюда становится ясным, что Айер ошибался и в том, что «на самом деле мы никогда не дискутируем по вопросам о ценностях». Он пояснял это странное заявление следующим образом:

Когда кто-то не соглашается с нами относительно моральной ценности некоторого действия или типа действия, мы, конечно, прибегаем к аргументам, чтобы склонить его к нашему образу мыслей. Но мы не пытаемся показать нашими аргументами, что у него «ошибочное» этическое чувство по отношению к ситуации, природу которой он понял правильно. Мы пытаемся показать ему только то, что он ошибается в отношении имеющихся фактов²³.

Однако люди часто пытаются показать, что у оппонента «“ошибочное” этическое чувство по отношению к ситуации» или «относительно моральной ценности некоторого действия или типа действия», потому что он либо делает ошибочные выводы, противореча общепризнанным моральным императивам или самому себе, либо не признает эти императивы, но не озвучивает этого, находясь в обществе, где они признаются, либо чувствует вину, но отворачивается от голоса совести (т.е. чувствует, но не признается) и т.д. И что самое поразительное, вопреки собственным утверждениям это признает и сам Айер...

Так, если сначала он говорит, что «этические суждения не имеют обоснованности»²⁴, то потом оказывается, что они могут быть обоснованы общими этическими посылками. Сторонники метаэтики постоянно стремятся показать, что все суждения о сущем и должном логически несовместимы²⁵, но при внимательном рассмотрении оказывается, что «несовместимы» лишь моральные императивы с атомарными пропозициями, а вовсе не суждения типа «не укради»

²² Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 156.

²³ Там же. С. 159.

²⁴ Там же. С. 158.

²⁵ См.: Максимов Л. В. «Гильотина Юма». С. 129.

и «ты поступил неправильно, украв эти деньги». В самом деле, Айер пишет, как бы забывая о том, что он утверждал до этого: «При условии, что человек имеет определенные моральные принципы, мы доказываем, что он, чтобы быть последовательным, должен морально реагировать определенным образом на определенные вещи». Получается, что мы все-таки доказываем моральные суждения, например: «Ты поступил неправильно, украв эти деньги, потому что ты осуждаешь воровство». Затем Айер добавляет: «Но мы не доказываем и не можем доказать обоснованность этих моральных принципов. Мы просто превозносим или осуждаем их в свете наших собственных чувств»²⁶. Оказывается, аргументация эмотивизма (и вообще метаэтики) направлена вовсе не на дискуссии «относительно моральной ценности некоторого действия или типа действия», а только на споры о моральных императивах, ведь мы доказываем логичность моральных суждений с помощью общих правил этики, или императивов. Однако обосновываются ли сами императивы?

Нормативные суждения и редукционизм

Метаэтики пытаются представить моральные и фактуальные суждения как логически несовместимые и рассматривают их независимо, как некие *causae sui*, которые возникают из ничего. Исходя из этой установки, они редуцируют моральные высказывания к двум составляющим (моральное + фактуальное), не допуская того, что моральное также может быть рассмотрено в релевантном контексте. Иначе говоря, моральные суждения обосновываются в конкретных ситуациях с помощью общих императивов, которые, в свою очередь, должны рассматриваться в контексте общих суждений о сущем (например, научных данных), согласно дополненной схеме: общие предпосылки → моральное правило → конкретная ситуация → моральное суждение.

Например:

Моральное поведение эволюционно выгодно; следуя моральным правилам, мы достигаем блага, к которому стремимся; следовательно, правила, определяющие такое поведение, обусловлены (обоснованы) биологически.

Или так:

Моральное поведение заповедано Богом; поступая в соответствии с заповедями, мы достигаем блага, к которому стремимся; следовательно, моральные императивы, определяющие такое поведение, обоснованы религиозно.

Эти примеры показывают, что можно сделать шаг назад и обосновать моральные императивы общими суждениями о сущем, показав их согласованность и логическую совместимость. При этом это не значит, что императивы логически выводятся из общих суждений о сущем; императивы лишь описываются и обосновываются с их помощью, а выводятся они из другого начала, которое, следуя долгой философской традиции, можно назвать благом. Иначе

²⁶ Айер А.Дж. Язык, истина и логика. С. 160.

говоря, суждения о сущем и должном *логически совместимы* в общей архитектонике этической науки, поскольку суждения одного типа обосновывают суждения другого: если моральный императив применим в конкретных случаях, то необходимо фактуальное содержание, чтобы он относился к определенной ситуации; так и общее понятие блага является первоначальным импульсом и распадается на различные императивы, которые опосредуются общими суждениями о сущем, а потом в конкретных ситуациях становятся частными моральными суждениями. Таким образом, мы имеем следующую архитектонику: благо → общие предпосылки → моральное правило → конкретная ситуация → моральное суждение.

Понятие «благо» требует специального обсуждения, но сперва вернемся к Айеру:

...этическая философия заключается просто в утверждении, что этические понятия суть псевдопонятия и поэтому не анализируемы. Дальнейшая задача описания различных чувств, для выражения которых используются различные этические термины, и различных реакций, которые они обычно вызывают, является задачей психолога²⁷.

Весьма иронично, что Айер здесь *совершает «ошибку» выведения должного из сущего*, поскольку полагает, что из описания чувств и вообще из психологии можно вывести этические чувства. Если должное нельзя вывести из сущего, то психологический анализ ничем не сможет помочь в выявлении этической проблематики. Иначе говоря, в основании этики может быть только этическое, в противном случае в соответствии с «гильотиной» этическое останется необъяснимым, ибо оно невыводимо из дескриптивного, или фактического, – в частности, из психологии.

Однако совершает Айер эту «ошибку» потому, что в силу своей редукционистской установки пытается свести этические чувства к психологии, т.е. к социальной науке, которая имеет дело с фактами²⁸. Между тем ход его мысли правильный, но не полный, ведь достаточно раскрыть скрытую предпосылку, и ошибки не будет: если за психологией признать лишь объяснительную функцию, за которой стоит какой-то моральный импульс, то, давая «описание различных чувств, для выражения которых используются различные этические термины», психология будет выступать в качестве общей ситуации, в рамках которой проясняются моральные императивы. Как всегда, согласно со схемой: благо → общая ситуация (психология) → моральное правило (императивы, моральные чувства) → конкретная ситуация → моральное суждение (вывод). Таким образом, психология *объясняет* работу моральных эмоций, однако она их не порождает, т.е. ничего не говорит о самом моральном долженствовании. А значит, вопрос сводится к понятию «благо» и его функции в этике.

²⁷ Айер А.Дж. Язык, истина и логика. С. 161.

²⁸ Там же.

Вместо заключения: трансценденталии, «гильотина» и природа блага

В этой статье я постарался показать, что «гильотина Юма» является псевдопроблемой потому, что она работает только в рамках редуccionистской методологии: моральное суждение деконтекстуализируется и распадается на атомарные составляющие, из которых ничего логически не выводится. Как отмечает Максимов, замысел «гильотины» состоит в том, чтобы редуccionировать моральное учение к простому силлогизму, из которого невозможно вывести моральное суждение:

Уже сам замысел – выявить логическую архитектуру метафизического или моралистического учения, редуccionировать его к простому силлогизму и, таким образом, «поверить логикой метафизику нравственности», – сам этот подход чужд гуманитарному мышлению, хотя органически вписывается в методологию современной аналитической философии²⁹.

Действительно, данный подход вписывается в методологию аналитической философии, однако не современной, а первой половины XX в., когда развивались идеи логического атомизма и позитивизма. Из этих идей следовала необходимость редуccionии морального учения к простому силлогизму, или атомарной пропозиции, без чего «гильотина» работать не может. Для того чтобы создать видимость логической несовместимости суждений о сущем и суждений о должном, сложное, многосоставное содержание какой-либо этической доктрины – под благородным предлогом «поверить логикой метафизику нравственности» – переводится на язык простых силлогизмов, в которых выделяются две бессвязные составляющие, что обосновывается весьма благообразно:

Необходимым условием осмысленности и доказательности этического (как и любого другого) рассуждения является соблюдение простого, универсального правила логического вывода, а именно: в заключении не может быть терминов, отличных от тех, которые содержатся в посылках; поэтому если в тексте, от которого отправляется нормативно-этическое учение с его моральным *долженствованием*, этого последнего ключевого термина нет ни в явном, ни в скрытом виде, то всякое упоминание «должного» в итоговой части рассуждений следует считать ни на чем не основанным, бездоказательным постулатом³⁰.

Таким образом, вырисовывается следующая картина. Любое нормативно-этическое учение (1) редуccionируется к простым *силлогизмам*, чтобы «проверить логикой метафизику нравственности», после чего строго (2) проверяется, не осталось ли в этих силлогизмах каких-либо следов *долженствования* в скрытом или явном виде, чтобы в итоге можно было (3) утверждать, что из такого стерильного силлогизма невозможно вывести никакого *долженствования*, или морального суждения. Это естественно, как естественно и то, что стерилизованная кошка уже не сможет родить.

²⁹ Максимов Л.В. «Гильотина Юма». С. 126.

³⁰ Там же. С. 129.

Проблема состоит еще и в том, что из «взаимной специфики суждений должного и сущего» пытаются вывести «их логическую несовместимость»³¹. Да, это разные типы суждений, но они не просто логически совместимы, но необходимо дополняют одно другое. Видимость их несовместимости следует исключительнo из методологии логического атомизма, чем и объясняется то, что «гильотине» стали придавать внимание лишь в первой половине XX в. Если же оставить логический атомизм историкам идей, то нормативно-этические учения вновь окажутся логически обоснованными. Такого рода учения не включают в себя и тем более не строятся на атомарных пропозициях. В одной из предыдущих публикаций я показал, что суждения о сущем и должном не являются логически несовместимыми, но имеют комплементарное отношение в этических системах: логические цепочки включают в себя разнородные элементы и пересекаются, образуя сложные логико-семантические структуры. При этом ошибка выведения должного из фактического не имеет места в действительности, поскольку в этических системах попросту отсутствуют атомарные факты, из которых бы ошибочно выводилось долженствование³².

Исходя из этого, я предлагаю рассматривать «логическую архитектуру метафизического или моралистического учения» в рамках следующей схемы: благо → общая ситуация (наука, религия, мировоззрение) → моральное правило (императивы, моральные чувства) → конкретная ситуация → моральное суждение (вывод). Я думаю, она гораздо ближе к реальности, чем стерилизованные силлогизмы метаэтики, из которых никто и никогда не строил этическое учение. Однако сторонник метаэтики может указать, что данная схема включает в качестве основания понятие «благо», так что я совершаю натуралистическую ошибку. Что ж, резонное замечание, поэтому в следующей статье речь пойдет именно об этом.

Список литературы

Айер А.Дж. Язык, истина и логика / Пер. с англ. В.А. Суровцева, Н.А. Тарабанова; под общ. ред. В.А. Суровцева. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. 240 с.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Сост. И.С. Добронравов, Д.Г. Лахути, В.Н. Садовский; пер. с нем. И.С. Добронравова, Д.Г. Лахути. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2008. 288 с.

Гагинский А.М. «Гильотина Юма» в контексте средневекового учения о трансценденталиях // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 189–200.

Лакс М. Метафизика в аналитической традиции // Философский журнал / Philosophy Journal. 2015. Т. 8. № 2. С. 5–15.

Максимов Л.В. «Гильотина Юма»: pro et contra // Этич. мысль / Ethical Thought. 2012. Вып. 12. С. 124–142.

Максимов Л.В. Квазиобъективность моральных ценностей // Этич. мысль / Ethical Thought. 2015. Вып. 6. С. 27–50.

³¹ Максимов Л.В. «Гильотина Юма». С. 129.

³² Гагинский А.М. «Гильотина Юма» в контексте средневекового учения о трансценденталиях // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 189–200.

Максимов Л.В. Очерк современной метаэтики // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 39–54.

Максимов Л.В. Проблема обоснования морали: Логико-когнитивные аспекты. М.: ФО СССР, 1991. 134 с.

Максимов Л.В. Сущее и должное: проблемные контексты // Этич. мысль / Ethical Thought. 2019. Т. 19. № 2. С. 38–50.

Ницше Ф. Антихрист // Ницше Ф. Пол. собр. соч.: в 13 т. / Науч. ред. И.А. Эбаноидзе. М.: Культурная революция, 2009. Т. 6. С. 107–184.

Рассел Б. Введение // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Сост. И.С. Добронравов, Д.Г. Лахути, В.Н. Садовский; пер. с нем. И.С. Добронравова, Д.Г. Лахути. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2008. С. 11–31.

Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам / Пер. С.И. Церетели // Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 1 / Пер. с англ. С.И. Церетели и др.; вступ. ст. А.Ф. Грязнова; примеч. И.С. Нарского. 2-е изд. М.: Мысль, 1996. С. 53–656.

Honfelder L. Duns Scotus. München: C.H. Beck, 2005. 192 S.

The Is-Ought Question: A Collection of Papers on the Central Problem in Moral Philosophy / Ed. W.D. Hudson. London: Macmillan, 1969. 271 p.

“Hume’s Guillotine” as a Pseudo Problem

Alexey M. Gaginsky

RAS Institute of Philosophy. 12/1 Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: algaginsky@gmail.com

The *is/ought* separation, initiated by D. Hume, but only gained popularity in the first half of the twentieth century, occupies a very important place in ethical discourse for it calls into question the possibility of justifying moral norms. At the same time, the Humean distinction rests on a number of ontological assumptions that need to be clarified in order to understand the limits of the principle. In particular, if Hume’s “guillotine” and its subsequent adaptation in metaethics presupposes an ontology of atomic facts, then the *is/ought* separation will prove problematic in revising the ontological model. The article shows that the common version of Hume’s “guillotine” is a pseudo-problem because it only works within a reductionist methodology, when a moral judgment is decontextualized and decomposed into atomic components from which nothing is logically derived. A more correct approach to the problem leads to the conclusion that the being and the ought are to be distinguished, but cannot be separated. In this form, Hume’s “guillotine” ceases to be destructive for the ethical systems.

Keywords: good, evil, D. Hume, A. Ayer, metaethics, ontology, Hume’s guillotine

References

Ayer, A.J. *Yazyk, istina i logika* [Language, Truth and Logic], transl. by V.A. Surovtsev, N.A. Tarabanov; ed. V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+, ROOI Reabilitaciya Publ., 2010. 240 pp. (In Russian)

Gaginsky, A.M. “«Hume’s guillotine» v kontekste srednevekovogo ucheniya o transcendentaliyah” [“Hume’s guillotine” in Light of Transcendentalia Entris], *Voprosy filosofii*, 2018, Vol. 10, pp. 189–200. (In Russian)

Honnfelder, L. *Duns Scotus*. München: C.H. Beck, 2005. 192 S.

Hume, D. "Traktat o chelovecheskoj prirode, ili popytka primenit' osnovannyi na opyte metod rassuzhdeniya k moral'nym predmetam" [A Treatise of Human Nature: Being an Attempt to Introduce the Experimental Method of Reasoning into Moral Subjects], transl. by S.I. Tsereteli, in: D. Hume, *Sochinenia v 2 t.* [Collected works in 2 vols.], Vol. 1, transl. by S.I. Tsereteli, et al.; introd. A.F. Gryaznov; comments by I.S. Narskii, 2nd ed. Moscow: Mysl' Publ., 1996, pp. 53–656. (In Russian)

The Is-Ought Question: A Collection of Papers on the Central Problem in Moral Philosophy, ed. W.D. Hudson. London: Macmillan, 1969. 271 pp.

Laks, M. "Metafizika v analiticheskoj tradicii" [Metaphysics in Analytical Tradition], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2015, Vol. 8, No. 2, pp. 5–15. (In Russian)

Maksimov, L.V. "«Gil'otina Yuma»: pro et contra" [«Hume's Guillotine»: Pro et Contra], *Eticheskaya Mysl'*, Issue 12. Moscow: IPH RAN Publ., 2012, pp. 124–142. (In Russian)

Maksimov, L.V. "Kvaziobjektivnost' moral'nyh cennostej" [Quasi-objectivity of Moral Values], *Eticheskaya Mysl'*, Issue 6. Moscow: IPH RAN Publ., 2005, pp. 27–50. (In Russian)

Maksimov L.V. "Oчерk sovremennoj metaetiki" [An Outline of Modern Metaethics], *Voprosy filosofii*, 1998, Vol. 10, pp. 39–54. (In Russian)

Maksimov, L.V. *Problema obosnovaniya morali: Logiko-kognitivnye aspekty* [The Problem of Justification of the Morality]. Moscow: PHO SSSR Publ., 1991. 134 pp. (In Russian)

Maksimov, L.V. "Sushchee i dolzhnoe: problemnye konteksty" [The Concepts of "What is" and "What ought to be" in Ethical Contexts], *Eticheskaya Mysl' / Ethical Thought*, 2019, Vol. 19, No. 2, pp. 38–50. (In Russian)

Nietzsche, F. "Antichrist" [Der Antichrist. Fluch auf das Christentum], in: F. Nietzsche, *Polnoe sobranie sochinenij v 13 t.* [Complete works in 13 vols.], ed. I.A. Ebanoidze, Vol. 6. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2009, pp. 107–184. (In Russian)

Russell, B. "Vvedenie" [Introduction], in: L. Wittgenstein, *Logiko-filosofskij traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus], eds. I.S. Dobronravov, D.G. Lahuti, V.N. Sadovskii; trans. by I.S. Dobronravov, D.G. Lahuti. Moscow: Kanon+, ROOI Reabilitaciya Publ., 2008, pp. 11–31. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Logiko-filosofskij traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus], eds. I.S. Dobronravov, D.G. Lahuti, V.N. Sadovskii; trans. by I.S. Dobronravov, D.G. Lahuti. Moscow: Kanon+, ROOI Reabilitaciya Publ., 2008. 288 pp. (In Russian)